

УДК 658.168.3

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕФОРМАЛИЗАЦИИ

Е. В. Гоосен, Е. С. Казан, Е. О. Пахомова, А. А. Леденева

Работа выполнена при поддержке регионального гранта РФФИ р-урал-а (07-06-96032)-(06-210) - «Деформализация российского института банкротства (региональный аспект)».

Главная цель статьи состоит в идентификации причин, формы и механизмов деформализации норм права, которые экономические агенты фактически используют, чтобы разрешить конфликты интересов, возникающие в ходе процедур банкротства, что приводит к деформализации института и неэффективности формальных механизмов регулирования.

The main purpose of the article consist in identification of the reasons, forms and mechanisms deformalizations norms of the right, which economic agents actually use to resolve the conflicts of interests arising during procedures of bankruptcy that results to deformalization of institute and an inefficiency of formal mechanisms of regulation.

Ключевые слова: институт банкротства, Кемеровская область, деформализация правил, логлинейный анализ, бинарная логистическая регрессия.

Институт банкротства – важнейший элемент институциональной среды современной рыночной экономики. Он включает в себя нормы права (законодательство о банкротстве), регулирующие права и обязанности кредиторов, должников и других участников процедур банкротства, правоприменительную практику, неформальные правила и процедуры, которые формируют ожидания у заинтересованных сторон, обеспечивают права и помогают их реализовать и защитить в ходе процедур банкротства. Эффективное законодательство лежит в основе института банкротства. Оно так фиксирует условия открытия и порядок конкурсных процедур, права и обязанности основных участников, что позволяет разрешить конфликт интересов, создает стимулы для экономического развития, поддерживает конкуренцию, выводит с рынка неэффективные структуры. Высокий уровень конкуренции и угроза банкротства ориентируют менеджеров на добросовестное и эффективное управление компаниями, сильная защита прав собственности снижает стоимость кредита, стимулирует инвестиционную активность и улучшает в целом деловой климат в стране.

Традиционно в экономической литературе институт банкротства анализируется с трех основных позиций: как базовый институт рыночной экономики [3], в рамках теоретических моделей изучающих дизайн отдельных его норм¹, как анализ истории и последствий реформ законодательства в отдельных странах [4]. Мы в своем анализе специфики и последствий применения норм института банкротства в России основной акцент делаем на разрыве между нормативной картиной, закрепленной в законодательстве формальных нормах, правилах и механизмах их применения, с реальными поведенческими стратегиями участников конкурсных отношений, реализуемыми на практике. Объяснение содержания и механизмов реализации этого разрыва можно найти в рамках нескольких концепций, среди них наиболее интересными являются теория институцио-

нальных ловушек, объясняющая разрыв несоответствием новых имплантируемых институтов местным условиям [5, с. 24 – 50, и теория деформализации институтов, связанной с противоречиями между формальными и неформальными нормами, действующими в рамках института и институциональной среды [6, с. 45]. Последний подход, на наш взгляд, позволяет в наибольшей степени позволяет объяснить институциональный разрыв, сложившийся в рамках института банкротства. Поэтому, в нашем понимании институт банкротства – это совокупность норм и правил поведения, общепринятых формальных и неформальных процедур взаимодействия, способов разрешения конфликтов, которые реализуются в поведенческих стратегиях экономических субъектов (должников, кредиторов и государства). Большая часть параметров института задается законодательством о банкротстве, однако реальные взаимоотношения между хозяйственными субъектами во многом определяются неформальными правилами и процедурами.

Под формальными правилами мы будем понимать правила, закрепленные в законах и разного рода подзаконных актах, обязательных для исполнения. Формальные правила имеют всеобщий, публичный и открытый (транспарентный) характер. Они образуют нормативную модель института банкротства. Неформальные правила, наоборот, часто носят неявный характер, привязаны к конкретным ситуациям, группам хозяйствующих субъектов или сегментам рынка, в которых складываются свои локальные порядки. Специфика российского института банкротства связана с тем, что неформальные правила и процедуры в рамках института банкротства играют решающую роль в реальной модели банкротства, что приводит к его «деформализации». Термин «деформализация права», впервые введенный в научный оборот В. В. Радаевым, означает «трансформацию институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере замещаются неформальными и встраиваются в неформальные отношения» [7, с. 35]. Деформализация института банкротства проявляется в создании различных вне-

¹ Aghion, P., O. Hart, and J. Moore The economics of bankruptcy reform // Journal of Law and Economics. – 1992. – Vol. 8. – P. 523 – 546.

легальных схем и ведет к значительному разрыву между его нормативной и реальной моделями.

Анализ архивных дел арбитражного суда Кемеровской области и углубленные интервью с арбитражными судьями, арбитражными управляющими, предпринимателями и менеджерами компаний Кузбасса, принимавшими участие в процедурах банкротства в период 1992 – 2008 гг., показал, что институт в России крайне деформализован. При этом и процесс его становления и деформализация института банкротства прошли три этапа: 1995 – 2000 гг., 2001 – 2002 гг., 2003 – 2009 гг. Остановимся на характеристиках каждого из этапов подробнее.

До 1995 г. экономические агенты практически не предъявляли спрос на институт банкротства. Спрос возник лишь после завершения массовой приватизации. Конец первого этапа определен 2000 г., так как большая часть дел о банкротстве предприятий, возбужденных в 1995 – 1997 гг., до 2000 г. шли по старым правилам. Кроме того, только после 2000 г. наблюдается смена стратегий основных участников конкурсных отношений. Характерная черта этапа – банкротство крупных и перспективных предприятий: Западно-Сибирского и Кузнецкого металлургического комбинатов («Запсиб» и КМК), угольных разрезов, «Кузбассэнерго», химзаводов «Азота» и «Химволокно». Они имели значительные долги, накопленные в результате скрытого перекрестного финансирования одних отраслей за счет других. Их крупнейшим должником являлся бюджетный сектор экономики области. Сами предприятия имели огромную просроченную задолженность перед бюджетами всех уровней и внебюджетными фондами. Для многих крупных предприятий области банкротство было единственным легитимным способом снять с себя бремя безнадежных долгов. Неудивительно, что основными инициаторами процедур банкротства были сами должники. Кредиторы участвовали в инициации процедур банкротства лишь в том случае, если чувствовали реальную поддержку со стороны региональных органов власти. Отличительной особенностью этого периода являлось активное вмешательство в процедуры банкротства представителей администрации области и поиск средств контроля над наиболее привлекательными активами и финансовыми потоками как со стороны кредиторов, так и местной администрации. Так, летом 1996 г. «Альфа-банк» инициировал процесс банкротства Западно-Сибирского металлургического комбината («Запсиб»). Основной целью кредитора было назначение лояльного арбитражного управляющего и получение контроля над комбинатом. Оппонентами выступали «Кузбасспромбанк» и Кемеровская областная администрация. Главной целью был не сам завод, а счета в зарубежных банках, на которых, в обход законодательства, длительное время аккумулировалась валютная выручка предприятия. Кризисная ситуация на предприятии была разрешена только после смены старого арбитражного управляющего, защищавшего интересы «Альфа-банка», новым арбитражным управляющим, связанным с областной администрацией. Не редко

банкротство использовалось самими должниками как средство ухода от ответственности за хищения и иные злоупотребления в хозяйственной деятельности предприятия.

Начало второго этапа (2001 – 2003 гг.) деформализации института банкротства связано с усилением переговорной позиции кредитора. Новый закон о банкротстве (1998) изменил условия признания должника банкротом, были значительно формализованы правила выбора процедур банкротства, введен институт арбитражных управляющих. Однако результаты нововведений в наибольшей степени проявились лишь 2001 г. Начиная с 2001 г. в области резко возросло число предприятий-банкротов, основным инициатором стал кредитор, стремящийся не столько к возврату долгов, сколько к переделу собственности. Второе место по количеству заявлений стали занимать дела, инициированные государственными органами. Можно отметить преобладание таких целей участников процедур банкротства, как передел собственности для кредитора, попытки уйти от исполнения обязательств должником (особенно перед бюджетом) и фискальная цель, реализуемая уполномоченными представителями государственных органов. Наиболее характерной чертой этого периода было массовое использование института банкротства как инструмента враждебного поглощения бизнеса и передела собственности. Часто использовались такие приемы, как фиктивное и преднамеренное банкротство. Анализ практики применения Закона о банкротстве в этот период показал, что уже в начале 2001 г. сократилась доля «черных» схем, им на смену пришли «серые схемы», которые характеризуются «незначительными и трудноуловимыми» нарушениями законов. Участники процесса все чаще стали прибегать к использованию «политических» и «административных» ресурсов: личных и неформальных связей с администрацией области, с другими участниками конкурсных отношений и т. д. Именно в этот период появился «бизнес на банкротствах» арбитражных управляющих – вывод активов должника в интересах узкого круга кредиторов в процедурах внешнего управления и конкурсного производства за отдельную плату.

Наступление последнего, третьего, периода деформализации связывают с сокращением использования института банкротства как инструмента передела собственности. И арбитражные управляющие, и арбитражные судьи в своих интервью отмечают, что в этот период в целом закончился крупнооптовый передел собственности в области, в экономике сформировалось два относительно независимых сектора: корпоративный и некорпоративный. Корпоративный сектор – это крупные областные объединения и холдинги. Для них характерны высокие темпы роста, достаточный запас устойчивости и рентабельность производства. Предприятия, входящие в холдинги, являются привлекательным объектом для враждебных поглощений, но принадлежность к интеграционной структуре защищает от нападения. В этом секторе, если и наблюдались бан-

кротства (объединения «Кузбассуголь», «Прокопьевскуголь»), они были связаны с формированием более эффективных вертикальных структур в холдингах. Наиболее активно процедуры банкротства возбуждались в рамках некорпоративного сектора, который включает в себя большое количество мелких и средних предприятий, с недостаточно эффективным производством и невысоким уровнем рентабельности. Большая часть этих предприятий банкротилась по инициативе уполномоченных органов как отсутствующий должник. Для третьего этапа деформализации института банкротства, начавшегося в 2003 г., характерно: сокращение общего числа дел, рост числа дел, инициируемых налоговыми органами – уполномоченными представителями государства в делах о банкротстве. С 2004 г. на налоговые органы возложены функции уполномоченного органа по представлению интересов государства в делах о несостоятельности (банкротстве) и процедурах банкротства. За период 2004 – 2005 гг. налоговыми органами подано заявлений в суд на введение процедуры банкротства в отношении 1200 предприятий области с суммой задолженности 6,2 млрд. руб.

Для третьего этапа характерна смена методов деформализации норм права. Ведущим стало «злоупотребление правом» – использование права в целях, прямо противоположных тем, которые были изначально заложены законодателем. Это различные способы обжалования решения суда по процедурам банкротства, ставящие целью не дать возможности кредиторам признать должника банкротом, назначить или сменить арбитражного управляющего, получить исполнительный лист в целях обеспечения сохранности имущества. В этих ситуациях ответчик осознает законность требований кредитора и решения суда, но стремится затянуть процесс и найти способы обойти нормы права.

В целом можно сделать вывод, что законодательство о банкротстве за период 1992 – 2008 гг. претерпело значительные положительные изменения. Оно стало более формализованным, сбалансированным, лучше защитило интересы должника, ограничило возможности силового перераспределения собственности, но не устранило полностью лазеек для деформализации.

Для решения этой задачи в рамках проводимого исследования были протестированы те процедуры банкротства, которые в течение всех трех периодов в наибольшей степени были подвержены деформализации, и выявлены факторы, влияющие на выбор участниками процедур тех или иных стратегий. Анализ показал, что в наиболее явной форме разрыв между нормативной и реальной моделью института банкротства проявляется в ситуации выбора между восстановительными и ликвидационными процедурами. Именно эта стадия в наименьшей степени поддается формализации, и здесь открывается возможность для многочисленных злоупотреблений. Нами была проанализирована практика проведения банкротства на 141 предприятии области в разных отраслях экономики.

Отправной точкой для построения нашей концепции также послужила концепция «регионального политического захвата», представляющая собой простую трехпериодную модель, анализирующую механизмы взаимодействия региональных органов власти (губернатор), фирмы (менеджер) и кредитора (бизнес) в ходе процедуры банкротства. Модель тестирует модификацию интересов менеджера под воздействием независимого арбитражного суда и показывает неэффективность «регионального захвата» – частного соглашения между губернатором и должником. В отличие от многих зарубежных аналогов, она более точно отражает специфику отечественного института банкротства. В ней на уровне исходных допущений введено три игрока: кредитор, должник, государство, что позволяет более точно отразить «российскую специфику». Но модель «регионального политического захвата» тестирует ограниченное число факторов, влияющих на выбор игроками стратегии, и анализирует лишь одну форму проявления разрыва между формальной моделью и реальной практикой реализации процедур банкротства – сговор между региональной властью и судьями [1, с. 5].

При анализе выборки мы обратили внимание на то, что в ряде случаев ликвидация предприятий носила формальный характер, и выбор ликвидационных процедур не приводил к фактической ликвидации предприятия. Поэтому мы поставили перед собой две задачи:

- 1) выделить группу факторов, с помощью которых можно прогнозировать выбор процедуры банкротства;
- 2) выделить группу факторов, с помощью которых можно определить характер ликвидационных процедур.

В качестве статистических методов анализа были выбраны: логлинейный анализ и бинарная логистическая регрессия. Для расширения круга тестируемых факторов был проведен контент-анализ прессы, интервью с экспертами и участниками процедур банкротства. На первоначальном этапе исследования применялся логлинейный анализ, который позволил выделить группу факторов, коррелирующих с результатом окончательной процедуры банкротства, тем самым была решена проблема снижения размерности признакового пространства.

Для выделения факторов, влияющих на выбор между ликвидационными и восстановительными процедурами, применялась бинарная логистическая регрессия. Если в качестве процедуры банкротства выбирались мировое соглашение или восстановление платежеспособности, то $Y = 0$. В том случае, если окончательным решением процедуры банкротства была ликвидация предприятия, то $Y = 1$.

В качестве факторов, влияющих на вероятность выбора рассматриваемых процедур банкротства, были выбраны:

- общие характеристики предприятия, включающие в себя: размер предприятия, сферу деятельности, наличие ликвидного имущества (ликвидность), эффективность структур управления;

– общеэкономические факторы, определяющие положение предприятия: состояние экономики, отрасли, размер задолженности и специфика кредитора, долги бюджетной сферы;

– субъективные факторы: вывод активов, старые менеджерские кадры, неэффективные схемы финансирования, отсутствие административного ресурса;

– нормативные факторы: размер задолженности и инициатор процедур банкротства;

– особенности положения предприятия: факт наличия признаков аффилированности должника, конкурентов, крупнейших кредиторов, администрации области.

Основные результаты регрессионного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Факторы, влияющие на выбор процедуры банкротства

<i>Фактор</i>	<i>В-коэффициент регрессии</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>Вальдовский</i>	<i>Уровень значимости</i>	<i>Exp(B)</i>
СЗБ	-4,287	1,515	8,006	0,005	0,014
ННС	-3,521	1,636	4,632	0,031	0,030
Л(1)	7,0)1	2,603	7,256	0,007	1108,3
Л(2)	6,928	2,947	5,525	0,019	1020,2
Д	6,640	2,809	5,586	0,018	764,7
К	-4,001	1,561	6,570	0,010	0,018
АД	-5,660	1,778	10,132	0,001	0,003
АКК	6,457	2,568	6,323	0,012	637,4
Constant	2,767	2,276	1,478	0,224	15,914

Регрессионный анализ оставил в качестве факторов, влияющих на выбор процедур банкротства, следующие: СЗБ – наличие (отсутствие) задолженности бюджетной сферы; ННС – наличие (отсутствие) неэффективных схем финансирования, ликвидность предприятия; Л(1) – нет ликвидного имущества вообще; Л(2) – есть ликвидное имущество, но его недостаточно, чтобы удовлетворить требования кредиторов; Л(3) – есть ликвидное имущество и его достаточно, чтобы удовлетворить требования кредиторов; инициаторами процедуры банкротства являются должник (Д) и кредитор (К), имеют место признаки аффилированности должника (АД) и крупнейших кредиторов (АКК). Статистика Nagelkerke R Square для построенной модели равна 0,815. Вероятность принятия решения о ликвидации предприятия возрастает, если у предприятия Л(1) = 1 – нет ликвидного имущества вообще, Л(2) = 1 – есть ликвидное имущество, но его недостаточно, чтобы удовлетворить требования кредиторов, инициатором процедуры банкротства являлся сам должник (Д = 1), имеют место признаки аффилированности крупнейших кредиторов (АКК = 1).

Соответственно, вероятность того, что в качестве окончательной процедуры банкротства будут выбраны восстановительные процедуры, возрастает, если имеет место наличие задолженности бюджетной сферы (СЗБ = 1), неэффективных схем финансирования (ННС = 1), есть ликвидное имущество и его достаточно, чтобы удовлетворить требования кредиторов (Л(1) = 0 и Л(2) = 0), инициатором про-

цедуры банкротства является кредитор (К = 1), имеют место признаки аффилированности должника (АД = 1).

С помощью построенной модели для неликвидируемых предприятий процент правильной классификации составил 73,9 %, а для ликвидированных – 99,2 %.

На следующем этапе исследования была выделена группа факторов, которые приводят к тому, что предприятие ликвидируется формально. В ходе анализа рассматривалась та же группа факторов, что и в первой модели. Основные результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Регрессионный анализ оставил в качестве факторов, влияющих на выбор реальной ликвидации, следующие: СФ – сфера, оценивающая прибыль предприятия (СФ(1) – высокая прибыль, СФ(2) – невысокая прибыль, СФ(3) – бесприбыльное предприятие); РЗ – размер задолженности (РЗ(1) – возврат долгов возможен, РЗ(2) – возврат долгов возможен, но нарушит нормальный ход работы, РЗ(3) – полный возврат долгов невозможен); ОНС – неэффективная структура производства; СЗБ – задолженность бюджетной сферы, инициатор процедуры банкротства должник (Д); АК – имелись признаки аффилированности конкурентов и АКХ – крупных холдинговых структур. Статистика Nagelkerke R Square равна 0,618. От рассматриваемой группы факторов вероятность реальной ликвидации зависит на 61,8 % (значение статистики Nagelkerke K Square равно 0,618).

Таблица 2

Факторы выбора между формальной и реальной ликвидацией предприятия

<i>Фактор</i>	<i>В-коэффициент регрессии</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>Вальдовский</i>	<i>Уровень значимости</i>	<i>Exp(B)</i>
СФ(1)	-2,404	0,904	7,074	0,008	0,090
СФ(2)	-3,644	0,864	17,777	0,000	0,026
РЗ(1)	-1,990	0,838	5,636	0,018	0,137
РЗ(2)	0,050	0,958	0,003	0,958	1,051
ОНС	-1,173	0,629	3,477	0,062	0,310
СЗБ	-2,419	0,738	10,727	0,001	0,089
Д	1,858	0,668	7,746	0,005	6,412
АК	-5,257	1,762	8,906	0,003	0,005
АКХ	1,867	0,794	5,524	0,019	6,467
Константа	2,982	0,932	10,233	0,001	19,724

Вероятность реальной ликвидации возрастает, если предприятие бесприбыльное (СФ(3)), полный возврат долгов невозможен (РЗ(3)), инициатором банкротства является сам должник (Д) и имелись признаки аффилированности крупных холдинговых структур (АКХ).

Соответственно, вероятность формальной ликвидации возрастает, если прибыль предприятия невысокая или высокая (СФ(2), СФ(1)), возврат долгов возможен РЗ(1), имеют место старые менеджерские кадры (НСМ), имеется задолженность бюджетной сферы (СЗБ), наблюдались признаки аффилированности конкурентов.

С помощью построенной модели для формально ликвидированных предприятий процент правильной классификации составил 73,9 %, а для реально ликвидированных – 87,5 %. В результате анализа факторов, влияющих на выбор процедур банкротства и определения характера ликвидационных процедур, четко видно, что факторы, заложенные в нормативную модель, оказывают незначительное влияние на исход процедур банкротства. При этом все ликвидируемые предприятия почти полностью распределяются на две группы – формально и реально ликвидируемые, что говорит о наличии серьезной деформализации института банкротства.

Анализируя результаты, полученные в работе, можно сделать вывод о том, что факт деформализации Российского института банкротства имеет место, т. к. существует группа факторов, с помощью которых можно достаточно хорошо разделить предприятия на формально и реально ликвидированные, что может служить основанием для поиска формальных критериев процедур банкротства и совершенствования конкурсного законодательства в России в целом.

Литература

1. Lambert-Mogiliansky, A. Political Economics of Bankruptcy: Evidence from Russian Transition. This paper is a thorough revision of the CEPR Working Paper / A. Lambert-Mogiliansky, K. Sonin, E. Zhuravskaya. – 2005. – №. 2488. – 43 p.
2. Podkolzina, E. A. The Institution of Bankruptcy: Rules and Behavior Strategies. Russian Evidence: Working Paper WP10/2006/03 / E. A. Podkolzina. – М.: State University: Higher School of Economics, 2006. – 34 p.
3. Банкротство в России: от хорошей теории к хорошей практике [Электронный ресурс]. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.eerc.ru/default.aspx?id=214&lang=rus> (11.11.2009).
4. Институт банкротства: становление, проблемы, направления реформирования. – М.: ИЭПП, 2005. – 432 с.
5. Полтерович, В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 3. – С. 24 – 50.
6. Радаев, В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В. В. Радаев // WP1. – 2001. – № 1. – 45 с.
7. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 324 с.
8. Радыгин, А. Д. Институт банкротства в России: особенности эволюции, проблемы и перспективы / А. Д. Радыгин, Ю. В. Симачев // Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3. – № 2. – 2005. – С. 43 – 70.

Рецензент – И. А. Кудряшова, Кемеровский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета.